

УДК 314.742+316.472.3

Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения»*

В. И. Мукомель

Институт социологии РАН, г. Москва

Статья посвящена особенностям адаптации и интеграции представителей «полуторного поколения» мигрантов, обучающихся в школах Астрахани и Самары. Выявлены проблемы их первичной адаптации по прибытии в Россию; трудности и особенности их адаптации к российской системе образования; их взаимоотношения с местными сверстниками и населением в целом; круги общения и коммуникации; взаимоотношения с родителями и посылающим обществом; связи с Родиной; их включенность в культуру принимающих локальных сообществ; самоидентификация, восприятие социальной среды российских городов. Особое внимание уделялось оценке их уровня интеграции, жизненным планам и ожиданиям.

Ключевые слова: «полуторное поколение», интеграция, адаптация, социализация, вторичная идентичность, школьники, дети мигрантов, конфликты.

Введение

Большинство из 10,3 млн иностранных граждан, пребывающих или проживающих на территории России, составляют трудовые мигранты из Средней Азии. В ближайшие годы численность иноэтничных и иноконфессиональных мигрантов будет возрастать в связи с сокращением трудоспособного населения России. Однако массовый приток иноэтничных мигрантов станет серьезным социальным вызовом, если не удастся обеспечить их адаптацию и интеграцию.

С особыми проблемами сталкиваются представители так называемого полуторного поколения мигрантов (one and a half generation) – дети мигрантов, которых привозят в Россию в относительно сознательном возрасте. (Их численность составляет сотни тысяч, если не миллионы человек, так как значительная часть трудовых мигрантов де-факто являются резидентами России, постоянно проживая в стране с семьями¹). В отличие от второго поколения

* Статья подготовлена по результатам исследования по гранту РГНФ № 11–03–00815а «Анализ специфики адаптации и интеграции представителей «полуторного поколения» мигрантов из Средней Азии и Закавказья в российских городах».

¹ Большинство детей-«полуторников» имеет российское гражданство. Численность детей до 17 лет, не имеющих гражданства России и проживающих в стране свыше 6 месяцев, составляет 459 тыс. человек (сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 29 августа 2013 г.) [3].

мигрантов, социализация которых проходит в России, «полоторное поколение» сохраняет память о стране выхода, общественном укладе, нормах поведения и традициях посылающего общества.

Зарубежные исследования фиксируют их двойственную (множественную) идентичность, восприятие себя как группы культурно адаптированных, перед которыми общество воздвигло барьеры как перед «чужими» [2]. Двойственная идентичность, отношение к ним принимающего населения, особенно сверстников, могут служить важными факторами социальной исключенности, маргинализации части представителей этой генерации.

Предшествующие обследования выросших представителей «полоторного поколения», когда опрашивались «полоторники», уже вступившие во взрослую жизнь², продемонстрировали, что большинство из них имеют российское гражданство, прекрасно владеют русским языком, хорошо ориентируются в городской среде. Однако представители «полоторного поколения» сталкиваются с серьезными проблемами в повседневной жизни (многие из них отмечают предвзятое отношение со стороны правоохранительных органов и местного населения, существенно реже – в процессах обучения, общения с органами государственной власти, в сфере здравоохранения и др.).

Их интеграция идет с большим трудом. Большинство назвали «своей» культуру страны происхождения, подавляющая часть считает родным языком материнский. Их жизненные планы часто не связаны с Россией: каждый третий намерен вернуться на родину предков, лишь 42 % отмечают намерение остаться в России навсегда. Практики коммуникаций представителей «полоторного поколения» со сверстниками демонстрируют их известную отчужденность от этнического большинства. Часть повзрослевших «полоторников», особенно прибывших в Россию в возрасте 13–15 лет, формально интегрировавшихся в российский социум, таковыми не являются.

Эти молодые люди были привезены в Россию в период с 1994 г. по 2008 г. Выявившиеся проблемы их интеграции и идентичности могут являться следствием функционирования социальных институтов на данном отрезке времени. Как проходит адаптация и интеграция тех более молодых представителей «полоторного поколения», которые проходят вторичную социализацию в настоящее время?

Ниже представлены результаты исследований 2012 г., когда проводилось изучение специфики адаптации и интеграции представителей «полоторного поколения», обучающихся в школах Астрахани и Самары. Особый интерес представляет поиск ответов на вопросы: имеется ли разница в уровне интеграции взрослых и молодых «полоторников» (которая может быть вызвана как различиями в контингентах, так и разницей в условиях адаптации)? Есть ли различия в их долгосрочных интеграционных планах? Учитывая особенности школьного контингента «полоторников», возникает и вопрос: в ка-

² Исследования проведены в 2011 г. в рамках вышеупомянутого гранта РГНФ среди выросших представителей «полоторного поколения», которым на момент обследований исполнилось от 18 до 25 лет [1].

кой мере школа как важнейший социальный институт, призванный способствовать адаптации и интеграции детей-иностранцев, выполняет эту задачу?

Методология работы включала социологический опрос 314 старшеклассников – детей мигрантов из Средней Азии и Азербайджана. Опрос проводился среди старшеклассников в возрасте 14–18 лет, приехавших в Россию в возрасте от 7 до 15 лет. Было также проведено 6 фокус-групп (по две фокус-группы с юношами, девушками и местными сверстниками), 58 глубинных полуструктурированных интервью и интервью с экспертами, включая глубинные интервью с «полуторниками», с их местными сверстниками, родителями, учителями, с экспертами (представителями родительских комитетов, учителями-кураторами (классными руководителями), школьными психологами и активистами диаспор).

Выборка имеет свою специфику. Большинство респондентов (54,9 %) – юноши, основная часть респондентов – в возрасте 15–17 лет (87,5 %), 96,1 % причисляют себя к мусульманам.

Большинство опрошенных прожили в России достаточное время – в среднем около 7 лет, средний возраст на момент прибытия в Россию – 8 лет. Опыт школьного обучения в посылающем обществе имелся у 51 % детей. Подавляющее большинство (71,2 %) имеет российское гражданство, еще 27,2 % респондентов рассчитывают его получить.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблемы первичной адаптации: воспоминания и впечатления

Приезд в Россию оценивается респондентами неоднозначно; он связан с впечатлениями разной модальности: как с радостными эмоциями, так и с трудностями. С одной стороны, большинству знакомо чувство оторванности от друзей и родственников на родине (75 %), с другой стороны, приезд принес радость от новых впечатлений (69 %):

«Я не хотел сюда ехать» (учащийся 8-го класса, Киргизия).

«Я очень была рада. У меня каникулы были. Я думала, я тут на каникулах буду, у меня тут папа жил. И так получилось, что я навсегда тут осталась» (учащаяся 9-го класса, Таджикистан).

Несмотря на трудности поиска друзей из числа «местных» (52 %), в целом отношения с местными детьми на первых порах охарактеризовали как «плохие» только 33 % респондентов, а около половины отметили легкость завязывания новых знакомств в России (49 %).

Только треть респондентов (33 %) не имели сложностей в общении по-русски; больше половины (59 %) отметили такие сложности, что обусловило трудности в учебе для них (58 %).

Наиболее значимыми факторами различия первых впечатлений стали следующие: возраст приезда и связанный с ним опыт посещения школы на родине; опыт проживания в сельской местности или в городе; проживание в России вместе с братьями/сестрами.

Больше трудностей (оторванность от друзей и родственников на родине, тоска по привычной среде на родине) испытывали те, кто приехал в

Россию в более старшем возрасте (12 лет и старше) и кто имел опыт посещения школы на родине.

Приехавшие из сельской местности испытали гораздо более сильный контраст при переезде в Россию. Для них возникло гораздо больше сложностей в общении со сверстниками, в общении на русском языке и соответственно больше трудностей с учебой. Так, в отличие от «горожан», среди которых чуть меньше половины (49 %) испытывали трудности в поиске друзей из числа «местных», приехавшие из сельской местности в большинстве случаев имели такие трудности (84 %). Аналогичная разница выявилась в освоении русского языка (52 % против 82 %) и учебе в целом (52 % против 78 %).

Среди самых ярких впечатлений тех, кто приехал из сел и небольших городов, фигурируют вокзалы, трассы, большие магазины:

«Вокзал самарский. Метро. У нас нету» (учащаяся 6-го класса, Таджикистан).

«Ну, магазины такие огромные» (учащийся 7-го класса, Таджикистан).

Некоторые респонденты испытали культурный шок от внешнего вида и поведения местных жителей, удивление вызвали российские квартиры, разительно отличавшиеся от частных домов, к которым респонденты привыкли на родине.

Юноши с воодушевлением восприняли наличие спортивных комплексов и открытые возможности для занятия спортом:

«Со спортом здесь лучше, чем там. Здесь я развиваюсь больше. Намного легче» (учащийся 9-го класса, Узбекистан).

«Здесь много вот разных спортивных комплексов. Можно на тренировки сходить, бесплатные» (учащийся 11-го класса, Киргизия).

Многие респонденты тосковали по родным, оставшимся на родине, сама обстановка казалась чужой, поскольку в России было мало друзей и знакомых. Вместе с тем удручающее впечатление на многих произвел холодный климат, к которому пришлось некоторое время привыкать:

«Погода. Было здесь очень холодно» (учащаяся 9-го класса, Таджикистан).

Им было не по себе от того, что вокруг слишком много незнакомых людей, что приходится все время говорить на русском языке, пристрастие россиян к алкогольным напиткам:

«Я не мог привыкнуть к русскому языку» (учащийся 8-го класса, Киргизия).

«...чаще в России пьют, это мне не нравится, то, что алкоголем воняет. Как бы это не нравится» (учащаяся 6-го класса, Таджикистан).

Наличие братьев или сестер в России, с одной стороны, обеспечило более яркие впечатления, с другой – препятствовало изучению русского языка, общению с местными сверстниками и обретению среди них друзей.

Школа как институт адаптации и интеграции

Школа играет двоякую роль в процессе адаптации и социализации представителей «полутурного поколения». С одной стороны, она позволяет им преодолеть социальную исключенность, овладеть русским языком и завязать новые связи:

«Когда поступил в школу, друзья появились» (учащийся 7-го класса, Таджикистан).

«Я даже специально оставался после школы на продленку, чтобы общаться. Чтобы больше привыкнуть к людям, и они ко мне привыкли. Вот это помогло» (учащийся 9-го класса, Узбекистан).

С другой стороны, школа нередко затрудняет социальную мобильность детей мигрантов и закрепляет за ними статус представителей низших социальных слоев.

Первым обстоятельством является то, что родители-мигранты, выбирая школу, зачастую руководствуются таким параметром, как «близость к дому»:

«Старших отдала в 1-ю школу. Она была близко, рядом» (мигрантка, Таджикистан).

Это часто связано с тревогой за ребенка, оказавшегося в незнакомой среде, и желанием максимально сократить его неизбежные перемещения по городу. Но ребенок, чаще всего, попадает в школу невысокого качества, расположенную в «дешевом» районе города, где наивысшая концентрация мигрантских семей. Родители-мигранты недостаточно хорошо ориентируются в социальном пространстве принимающего сообщества и не могут в полной мере оценить «качество» выбранной школы:

«...к нам в основном шли, конечно, наши дети не с очень, так сказать, богатых, если можно выразиться, да, не очень благополучных семей, русскоязычные дети. А вот все дети те, которые были не русскоязычные, они к нас с удовольствием идут. Даже из благополучных семей» (школьный психолог).

Вторым фактором, позволяющим рассматривать школу как институт, затрудняющий социальную мобильность для представителей «полуторного поколения», является распространенная практика определения детей-мигрантов в классы коррекционно-развивающего обучения (КРО), где дети-мигранты могут составлять 20–30 % учащихся и более:

«В классах КРО больше киргизов, таджиков, по сравнению с другими. Таджики, киргизы – это наш основной костяк этих классов. Им ставят [на комиссии] языковой барьер и задержку психического развития» (классный руководитель).

При этом родители-мигранты в отличие от «местных» родителей, как правило, не возражают против перевода своего ребенка в класс КРО. Такая пассивность может объясняться худшей ориентацией в социальном пространстве принимающего сообщества, нежели местное население, и недооценкой социального ярлыка, навешиваемого на классы КРО («для неполноценных, умственно отсталых детей»). С другой стороны, отсутствие возражений со стороны родителей-мигрантов может объясняться тем, что они чувствуют себя недостаточно уверенно и предпочитают не вступать в споры с учителями.

В результате вышеописанных практик создается институциональная преграда на пути к получению представителями «полуторного поколения» качественного школьного образования. Школа начинает выполнять для них не функцию социального лифта, а функцию фильтра, определяющего их в число «неудачников».

Успеваемость представителей «полуторного поколения» первоначально является достаточно низкой. Основной преградой на пути к успешному освоению общеобразовательной программы служит недостаточное знание русского языка:

«Есть вот дети, которые даже не понимают, о чем мы говорим» (классный руководитель).

Вторая причина низкой успеваемости представителей «полупорного поколения» кроется в том, что родители, как правило, не могут помочь им с уроками:

«Очень плохо и очень сложно делают домашние задания. Потому что родители чаще всего помочь не могут» (школьный психолог).

Несмотря на это, впоследствии успеваемость детей мигрантов, как правило, улучшается и выходит на средний уровень, причем большую роль играет преодоление языкового барьера:

«Сейчас у них средний уровень» (классный руководитель).

«Раньше учились лучше русские, а сейчас сравнялись все» (классный руководитель).

Поведение детей мигрантов несколько отличается от поведения их «местных» сверстников. В начальных классах они стараются не привлекать к себе внимание учителей, ведут себя тише «местных» одноклассников, реже являются зачинщиками конфликтов:

«Они ведут себя очень тихо. Стараются быть незаметными. Инициативу не проявляют» (школьный психолог).

К пятому классу представители «полупорного поколения», обучающиеся в России с первого класса, в достаточной мере осваиваются в принимающей среде. В это время, по наблюдениям опрошенных специалистов, наступает пик конфликтности, учащаются столкновения между «местными» детьми и детьми, приехавшими из других стран:

«На этапе подростков. Вот тогда, когда формируется уже среда: свой – не свой, да, вот это вот, вот это чувство, вот здесь у нас бывает такое. В основном, это где-то 5–6-й класс» (школьный психолог).

После 5–6-го класса конфликтность идет на спад. «Местные» ученики перестают обращать внимание на национальность учеников, приехавших из других стран:

«В 7-м классе какой-то переломный момент. Они [“местные” дети] не обзываются уже, как бывает в 5-м классе» (классный руководитель).

20 % подростков указали, что у них случаются конфликты со сверстниками. Из них 49 % отметили, что это, в основном, конфликты с одноклассниками вообще. Еще 33 % отметили, что это в основном конфликты с ребятами других национальностей, причем не всегда с русскими сверстниками. 11 % сказали, что у них конфликты происходят в основном вне школы с ровесниками на улице, во дворе.

Конфликты с учителями достаточно редки и, чаще всего, происходят с педагогами, конфликтующими и с «местными» школьниками.

По свидетельствам опрошенных экспертов, более уверенно и активно ведут себя выходцы из Азербайджана, в то время как представители Средней Азии демонстрируют большую закрытость и пассивность.

Мальчики более активны и конфликтны, могут проявлять неуважение к представительницам противоположного пола: как к одноклассницам, так и к

молодым учителям. Это может объясняться расхождениями в представлениях мальчиков из мигрантских семей о том, как должна одеваться и вести себя девушка (женщина) и реальным поведением и обликом одноклассниц и учителей, которое трактуется юношами как «недостойное». Кроме того, мальчики могут «сбиваться» в группы, которые формируются не по национальному признаку, а методом «от противного»: в такие группы входят представители самых разных национальностей, но не русские.

Девочки из мигрантских семей, как правило, ведут себя спокойно и бесконфликтно:

«Девочки спокойнее, чем мальчики» (ученица 10-го класса, Самара).

Но мальчики, в конечном итоге, адаптируются более успешно, чем девочки. Любопытно, что драки и конфликты, по-видимому, являются инструментом адаптации и интеграции в принимающее сообщество:

«Сначала были конфликты. Немного дрались. После драки же все друзьями становятся» (учащийся 11-го класса, Азербайджан).

Классные руководители, школьные психологи и представители родительского комитета весьма невысоко оценивают участие родителей-мигрантов в школьных делах детей:

«Родители не помогают. Они надеются на нас, что мы им позволим получить образование» (классный руководитель).

«В учебе они не могут помочь» (школьный психолог).

Значительную роль, по мнению учителей и психологов, играют жизненные планы родителей. Нередки случаи, когда уже адаптировавшегося и вполне успешного в школе ребенка родители внезапно увозят обратно на родину. Тревогу преподавателей вызывает и стремление некоторых родителей-мигрантов привлечь детей школьного возраста к работе.

Многие родители детей-мигрантов хотят, чтобы их дети получили образование в России:

«Вообще, у родителей нерусской национальности, у них стремление дать детям образование вот здесь, в России» (классный руководитель).

По свидетельству учителей и психологов, девочек в мигрантских семьях нередко ориентируют на замужество, готовят к роли домохозяйки, тогда как мальчиков стимулируют к получению образования:

«У нас бывали случаи, что девочек забирали из школы и выдавали за муж, она еще 9 классов не заканчивала. Ее забирали из школы и выдавали за муж» (классный руководитель).

Сами девочки не всегда солидарны со своими родителями и иногда даже противятся их планам, желая продолжить учебу. Отмечая, что девочек воспитывают очень строго, а мальчиков, напротив, слишком свободно, школьные преподаватели и психологи заявляют, что это создает определенные трудности в адаптации детей к школьной жизни.

Процесс вхождения представителей «полуторного поколения» в школьный коллектив местных сверстников любопытен. Оказавшись в незнакомом окружении (при переходе в новую школу), они первое время предпочитают общаться с подобными себе, однако постепенно обзаводятся «местными» друзьями и зна-

комыми. Процесс взаимной «притирки» местных детей и детей из мигрантских семей выглядит несколько иначе, если они одновременно приходят в первый класс. В этом случае контакты налаживаются значительно быстрее, и представители «полуторного поколения» впоследствии воспринимаются «местными» сверстниками как неотъемлемая часть школьного коллектива.

«Местные» школьники отмечают, что «полуторники» более импульсивны и эмоциональны, обладают более сильным характером и пытаются добиться лидерства. Дети из мигрантских семей интересны «местным» сверстникам тем, что принадлежат к другой культуре. Бывая в гостях, местные и приезжие школьники постепенно перестают удивляться особенностям повседневной жизни друг друга.

Вне школы: круги общения, коммуникации, досуг

Мальчики чаще перемещаются по городу, их маршруты пролегают на более далекие расстояния. По этой причине они лучше ориентируются в городе, чаще бывают в центре. Девочки больше времени проводят дома, и их прогулки чаще всего совершаются на небольшие расстояния.

Как мальчиков, так и девочек притягивают торгово-развлекательные центры, в частоте посещения которых они не уступают своим «местным» сверстникам.

Говоря о местах, в которых они находят себе друзей, представители «полуторного поколения» неизменно упоминают школу и двор дома, в котором живут. Школьное общение – преимущественно общение с русскими детьми (65 %). Напротив, в свободное время дети предпочитают общаться с приехавшими из той же страны (42 %) или с русскими (38 %), что по структуре практически совпадает с дружескими связями: 43 % дружат с приехавшими из своей страны, 36 % – с русскими.

Половина опрошенных включены в транснациональные социальные сети, поддерживая связи с друзьями, оставшимися на родине их родителей (51 %). Если связи с посылающей страной не поддерживаются, то среди социальных связей будет больше «русских» друзей.

Ни уровень знания русского языка при приезде в Россию, ни субъективный статус русского языка в качестве родного/неродного не связаны с кругом общения, точно так же, как и гендерные характеристики.

Преобладание в кругах общения ребят из той же страны, что и респондент, характерно для тех, кто приехал в более старшем возрасте (от 12 лет) и из сельской местности. Другим фактором формирования круга общения выступает длительность проживания: респонденты, прожившие в России 5 лет и менее, в 62 % случаев общаются преимущественно с выходцами из той же страны, среди проживших более 5 лет их доля снижается до 34 %.

Для мальчиков значительную роль в приобретении новых друзей играет спорт, практически все мальчики из мигрантских семей занимаются спортом:

«...у нас только русские занимаются футболом, и вот он с ними, и они как бы более тесно с ним общаются. Они хорошие друзья. Ну, как бы, футбол и все такое» (ученица 8-го класса, Самара).

Зачастую девочки также увлекаются спортом:

«На тэквандо 9 месяцев ходила. Я еще хотела бы дзюдо заниматься» (учащаяся 6-го класса, Таджикистан).

«Я хожу в гольф, у нас вот в школе занимаются этим» (учащаяся 9-го класса, Таджикистан).

«Дочка занимается бейсболом» (мигрант, Таджикистан).

Девочки из мигрантских семей менее активны в поиске друзей. Как правило, круг их общения сводится, в основном, к школьным знакомым. Это объясняется тем, что они больше времени проводят дома, поскольку родители и братья с неодобрением относятся к их частым прогулкам и дальним поездкам.

Некоторым детям из мигрантских семей проще общаться с местными. Одна из причин такого выбора – плохое знание родного языка. Другим, напротив, комфортнее с представителями своей национальности или с нерусскими ребятами. У ребят нерусской национальности более сходный жизненный опыт, и они сталкиваются с проблемами, аналогичными проблемам респондента. Часть опрошенных заявила, что им безразлично, с кем общаться.

Свободное от учебы время более половины респондентов проводят либо дома, либо помогая родителям; популярны также спортивные секции.

Девочки меньше времени проводят вне дома. Они традиционно больше занимаются домашними делами. Девочкам чаще запрещают подолгу гулять, ездить в центр города, посещать кино, кафе и прочие развлекательные заведения.

«У нас так принято. Моей сестренке я тоже не разрешаю, там, в город поехать, там, только во дворе и то недолго» (ученик 9-го класса, Узбекистан).

Мальчики более независимы в проведении свободного времени. Зачастую на каникулах мальчики подрабатывают или помогают по работе своим отцам. Интересно, что ребята, приехавшие из сельской местности, гораздо интенсивнее занимают свободное от учебы время: они больше занимаются в спортивных секциях, творческих кружках, помогают родителям и т. д.

Гендерные различия в проведении досуга детьми мигрантов не столь очевидны, как кажутся на первый взгляд: девочки из мигрантских семей нередко посещают различные секции и дополнительные занятия, занимаются силовыми единоборствами. Несмотря на то, что девочки больше времени проводят дома, они тоже ходят с друзьями в кино, боулинг, Макдональдс и т. д. В то же время нередки случаи, когда мальчики из мигрантских семей помогают родителям по хозяйству: сидят с младшими детьми, готовят еду. Некоторые мальчики, подобно девочкам, значительную часть свободного времени проводят дома.

Независимость мальчиков не так велика, как может показаться на первый взгляд. В частности, они должны подробно отчитываться родителям, куда они идут и во сколько вернутся домой. Родители-мигранты более жестко, по сравнению с «местными» родителями, контролируют досуг своих детей. Это не остается незамеченным ни детьми из мигрантских семей, ни их «местными» сверстниками, которые зачастую расценивают это как несправедливость со стороны взрослых:

«Наверное, в российских семьях правильнее. Потому что если человек, ну, как бы, начинает больше узнавать, больше ходить куда-нибудь в разные места, то это лучше» (учащаяся 9-го класса, Таджикистан).

Столкновение двух моделей проведения досуга («местной, более свободной» и «мигрантской, менее свободной») приводит к тому, что представители «полуторного поколения» начинают задумываться над тем, какая из них более приемлема. Проблематизация вопроса о том, какое поведение является правильным и справедливым, увеличивает возможность возникновения различных конфликтных ситуаций.

В случае одобрения и окончательного утверждения модели, принятой в своей семье, представители «полуторного поколения» склонны давать ярко выраженные негативные оценки поведению местных жителей, в противном случае возникает опасность конфликтов с родителями:

«Вот старшая спокойная девочка, а вторая иногда – бунт. Она говорит: Мам, я хочу по-другому жить уже. Я говорю: Вдруг мы возвращаемся туда? Как ты представляешь все вот это? Она: Нет. Ты не можешь мне запрещать. Я хочу как мои подружки. Я не хочу меняться» (мигрантка, Таджикистан).

По сравнению с «местными» сверстниками, представители «полуторного поколения» реже курят и употребляют спиртные напитки, особенное отторжение у них вызывает курение и употребление спиртных напитков девушками. Однако наличие вредных привычек, как у друзей, так и у подруг из числа «местных» жителей, не является для представителей «полуторного поколения» препятствием для поддержания с ними хороших отношений.

Распространенное употребление русской нецензурной лексики детьми из мигрантских семей, при воздержании от произнесения нецензурных выражений на родном языке, – яркий пример использования взаимоисключающих практик при переходе из одного культурно-символического пространства в другое.

Отношения с «местными» сверстниками достаточно ровные. Основанием для конфликта чаще всего являются бытовые противоречия (42 %), характерные для этого возраста («из-за девочек», «из ревности», «зависть»), примерно такая же доля конфликтов приходится на межнациональные противоречия (40 %). Напрямую с такого рода конфликтами связаны противостояния, возникающие из-за вербальной агрессии (18 %). Заметно повышает уровень конфликтности хорошее знание русского языка и его активное употребление в качестве основного языка общения на досуге («полуторники» очень болезненно реагируют на русскую нецензурную лексику, достаточно распространенную среди подростков).

Зачастую националистические высказывания в отношении иноэтничных детей и подростков позволяют себе взрослые горожане. Представители «полуторного поколения» нередко сталкиваются также с «особым отношением» к себе со стороны органов правопорядка.

С возрастом дети мигрантов острее осознают чувство собственного достоинства и болезненнее реагируют на оскорбительные выпады со стороны окружающих и чаще воспринимают себя «чужими».

Язык, культура, идентичность

До приезда в Россию лишь 17 % респондентов хорошо знали русский язык, еще 52 % знали язык неплохо и 30 % – совсем не знали. Те, кто хорошо знали русский язык до приезда в Россию, чаще указывают этот язык в качестве родного. По мере освоения русского языка и все более продолжительного пребывания в России возникает другая проблема: частичная или полная утрата родного языка:

«Я на русском языке разговариваю. Родной язык я знаю все абсолютно, но не разговариваю. Не привыкла, что ли. Со всеми русскими на русском, с родителями на русском» (учащаяся 8-го класса, Таджикистан).

Часто это следствие того, что родители начинают разговаривать в семьях по-русски, желая помочь ребенку быстрее освоить язык принимающего сообщества и облегчить процесс адаптации:

«Мы раньше только по-русски общались, потому что я хотела, чтобы дети хорошо по-русски говорили. Я думала, если я по-таджикски начну, у них начнутся проблемы в школе» (мигрантка, Таджикистан).

На момент опроса считали русский язык родным 10 % респондентов, а 80 % респондентов – язык той страны, откуда они приехали. Обычно все же дети из семей мигрантов являются билингвами:

«Мне кажется, я одинаково знаю родной и русский» (учащийся 11-го класса, Таджикистан).

В школе, на переменах говорят на русском языке 89 % опрошенных, хотя дома активно используют русский язык лишь 19 % респондентов. Педагоги и психологи нередко стараются запретить детям из мигрантских семей использовать в школе родной язык, полагая, что это замедляет процесс адаптации, что воспринимается детьми как конфликт с преподавателем и незаслуженная обида.

Учащиеся могут говорить на родном языке, когда хотят сообщить друг другу какой-то секрет:

«У нас мальчики, бывает, на своем разговаривают, чтобы кто-то не узнал, девочки» (учащаяся 8-го класса, Самара).

Использование родного языка в публичном пространстве (в школе, на улице, в общественных местах) вызывает определенные негативные реакции со стороны представителей принимающего сообщества и не поощряется:

«Если много русских, то мы по-русски разговариваем, чтобы они не подумали, что мы о них разговариваем» (учащийся 9-го класса, Киргизия).

Приватное пространство, в отличие от пространства публичного, остается зоной употребления и сохранения материнского языка.

Молодежь подвержена влиянию специфически молодежной субкультуры во всех ее проявлениях. При этом около половины респондентов предпочитают слушать музыку той страны, откуда приехали (49,6 %), еще по 21 % предпочитают российских или евроамериканских исполнителей. Более пред-

почтительна музыка страны выезда для тех, кто приехал из села. Те, кто считает своей культурой родной страны, чаще слушают музыку своей страны.

57 % респондентов ориентированы как на «свою» на культуру страны, в которой они родились. На культуру России ориентированы лишь 9 % респондентов, но на обе культуры уже 32 %.

Респонденты последней («бикультурной») идентичности в подавляющем большинстве случаев выбирают в качестве родного языка своей исторической родины (90 %).

Как и их «местные» сверстники, дети из мигрантских семей смотрят российские молодежные сериалы, развлекательные телепередачи, ток-шоу. Представители «полуторного поколения» зарегистрированы в популярных социальных интернет-сетях и активно их используют.

Дети из мигрантских семей конструируют множественную, не вполне устойчивую идентичность – «размытую» идентичность. Зачастую они чувствуют себя чужими и в принимающем сообществе, и в той стране, откуда их привезли.

Их национальная принадлежность становится зыбкой и может по-разному определяться различными акторами (родителями, «местными» сверстниками, родственниками на родине, местным населением и др.). Многочисленные переопределения и категоризации, которые, к тому же, почти всегда морально нагружены, не позволяют детям из мигрантских семей создать позитивную и непротиворечивую концепцию собственного Я.

Гражданская принадлежность, которая, возможно, могла бы несколько сгладить противоречия, возникающие у представителей «полуторного поколения» в процессе самоидентификации, и позволить им осознать себя частью принимающего сообщества, проблематизируется крайне слабо. Чаще всего приобретение российского гражданства рассматривается детьми из мигрантских семей как прагматический шаг, необходимый для упрощения процедур поступления в вуз и устройства на работу.

Подростки не разрывают связи с посылающими странами: половина (50 %) сохраняет отношения с друзьями в тех странах, а большинство (89 %) сохраняет отношения с родственниками. Поддержанию связей способствуют и визиты в посылающие страны: только треть подростков (31 %) ни разу не были в стране родителей. Но общение с родственниками происходит по большей части виртуально. Зачастую взаимопонимание между детьми из мигрантских семей и их родственниками, оставшимися в стране исхода, оказывается нарушенным.

К большинству респондентов приезжают родственники (78 %). Посещение родственников практически никем не воспринимаются как обуза (только 8 % отметили, что они не рады таким визитам).

Социальная среда посылающих стран остается привычной и комфортной для «полуторников»: менее пятой части (16 %) чувствовали себя не совсем комфортно, причем приехавшие из сельской местности поддерживают более тесные связи с посылающей средой.

Родители, родственники, семья

Большинство «полуторников» проживает в полных семьях (88,6 %), у 7,5 % процентов родители проживают раздельно (но оба родителя – в России), лишь у 3,6 % детей один из родителей проживает за пределами России. У 68 % респондентов родители имеют российское гражданство, у 8,7 % – один из родителей, у 12,3 % – родители не имеют российского гражданства, но стремятся его получить. 9/10 детей «полуторников» – из смешанных семей (причем оба родителя – выходцы из стран Средней Азии и Азербайджана). Среднее специальное образование и выше имеют отцы 66,5 % и матери 42,6 % детей.

Наличие гражданства РФ хотя бы у одного родителя повышает вероятность того, что ребенок также является гражданином РФ. Если же гражданами РФ являются оба родителя, то ребенок в абсолютном большинстве случаев также имеет гражданство или же стремится его получить. В значительной степени ориентация на получение российского гражданства совпадает у детей и их родителей.

Наибольшим доверием «полуторников» пользуются, с большим отрывом, родители, затем идут родственники, знакомые своей национальности, другие знакомые, учителя, школьные психологи.

Отношения в семьях мигрантов, по сравнению с «местными» российскими семьями, носят, безусловно, более традиционалистский характер. Для них характерна большая гендерная и возрастная иерархия, сохранение высокого авторитета родителей. Среди формальных проявлений детьми уважения по отношению к родителям стоит отметить обращение к ним на «Вы». Широко распространенная в мигрантских семьях практика нередко удивляет их «местных» сверстников:

«К родителям они на своем языке на “Вы” общаются только» (учащаяся 8-го класса, Самара).

Авторитет отца в мигрантских семьях традиционно выше, нежели авторитет матери:

«Что папа сказал, то и будет. Мама не будет с ним спорить... Как папа сказал, так и будет. У меня не возникает вопросов. Если он так сделал, значит все правильно» (учащийся 9-го класса, Узбекистан).

Подавляющее большинство респондентов – представителей «полуторного поколения» – утверждают, что подчиняются родителям даже в том случае, если они не правы. Однако как и в «местных» российских семьях, дети мигрантов могут вступать в конфликты и споры с родителями, пытаясь отстаивать собственную точку зрения.

«У сыновей очень сильно развито свое личное мнение. Я просила их, чтобы они молились. Они говорят: Да, ты хочешь, чтобы потом всем хвастаться, что мы молимся. Мы не будем. Вот мы не хотим, и мы не будем» (мигрантка, Таджикистан).

Причем неподчинение и стремление к самостоятельности могут демонстрировать и девочки из мигрантских семей. Несмотря на то, что родители могут считать подобное поведение неправильным, они говорят о том, что не

способны заставить детей вести себя иначе, поскольку те уже по-другому воспитаны и усвоили «местные» нормы:

«Третья у меня как мальчишка. И до сих пор вот она так себя ведет. Она не так воспитана, как мы, она в другом месте, в другом обществе. Я не могу же ее заставлять» (мигрантка, Таджикистан).

Понимая, что дети усвоили несколько иные нормы, чем те, которые приняты в стране исхода, родители нередко ориентируют детей на то, чтобы остаться в России, боясь, что на исторической родине их уже не примут:

«Я хотел бы, чтобы они здесь остались. Потому что они сейчас здесь учатся, они здесь это. Там у нас в Таджикистане другие законы, другие представления» (мигрант, Таджикистан).

Эксперты отмечают, что хотя в семьях мигрантов сохраняются традиции страны исхода, манера поведения детей, выросших в России, имеет больше сходства с поведением «местных» детей, нежели детей из тех стран, откуда они приехали:

«Традиции они соблюдают, но поведение этих детей совсем другое, нежели поведение их сверстников на Родине. Их поведение похоже на поведение местных детей» (активист диаспоры, Таджикистан).

Это подтверждается и опытом родителей-мигрантов, которые вынуждены констатировать, что у детей сильно поменялся характер и они значительно отличаются от своих сверстников, выросших на исторической родине:

«Если честно, вот как они приехали и как сейчас они, они сильно изменились по характеру, по разговору. Я смотрю, у них вообще все как-то по-другому стало. Они отличаются от тех, кто вырос в Таджикистане. У них и характер, и разговор, и поведение, да, отличается» (мигрант, Таджикистан).

Модель семейных взаимоотношений у мигрантов, хотя и сохраняет значительное число традиционалистских черт, трансформируется под влиянием принимающей среды. Больше половины респондентов (58 %) считают, что необходимо жить с родителями, но треть (33 %) считают, что дети должны жить отдельно.

Респонденты «бикультурной» идентичности в подавляющем большинстве предпочитают жить вместе родителями, а вот представители «монокультурной», русской идентичности предпочитают жить отдельно от родителей, что, видимо, больше характерно для «местной» молодежи. Ориентация на атомизированность наименее характерна для тех, среди кругов общения которых преобладают ребята из посылающей страны (70 %), а более характерна для тех, кто считает русский родным языком (55 %) и собирается остаться в России навсегда (37 %).

Ориентация на атомизированность больше характерна для городской культуры: приехавшие из городов чаще выступают за раздельное проживание (38 %) и чаще затрудняются (9 %), тогда как приехавшие из сельской местности в большинстве случаев выступают за совместное проживание (85 %).

Особенности поведения в семье проецируются на ожидания, связанные с будущей семейной жизнью. Для девушек вступление в какие бы то ни было романтические отношения до брака находится под запретом. Причем запрет-

ными являются не только добрачные сексуальные связи, но и вполне невинные, платонические отношения.

Сами девушки заявляют, что они никогда не встречались с юношами. Наиболее жесткий контроль над девушками осуществляют не отцы, а братья, выросшие в России.

Первоначально для девочек из мигрантских семей безразлична национальная и религиозная принадлежность, нередко их симпатии адресованы «местным» мальчикам, но по мере взросления приоритеты меняются, и девушки склонны выделять тех молодых людей, которые принадлежат к их национальности. Объясняется это, прежде всего, позицией братьев и отцов. Вместе с тем девушки отмечают, что оказывают предпочтение тем, кто долгое время находится в России.

Юноши из мигрантских семей предпочитают устанавливать романтические отношения с «местными» девушками. Чаще всего это объясняется тем, что добрачные романтические отношения с девушками своей национальности невозможны. Вместе с тем многие юноши отмечают, что им проще общаться с «местными» девушками, поскольку они знают, как нужно себя вести во время ухаживания, тогда как правила ухаживания за девушками своей национальности им известны хуже или вовсе неизвестны. Тем не менее, в брак юноши из мигрантских семей предпочитают вступать с девушками своей национальности. Но, по свидетельствам экспертов, нередки ситуации, когда, женившись на девушке своей национальности, молодой человек заводит вторую семью с «местной» девушкой, интерпретируя свое поведение в религиозных категориях, чтобы придать ему более нормативный вид с точки зрения своих родителей и супруги.

Планы, ожидания, уровень интеграции

По сравнению с поколением «отцов», у которых приоритеты были нацелены на выживание (любая работа, бизнес), у их детей другие приоритеты, более схожие с принятыми «местным» населением. Иерархия планов детей-«полуторников» выглядит следующим образом: найти интересную работу, заработок, создать семью, продолжить образование, создать свой бизнес, обустроиться и жить по-европейски, карьера на госслужбе.

Существуют отличия в иерархии жизненных планов тех, кто собирается остаться в России и кто планирует уехать на свою историческую родину: у первых они более модернистские (образование, семья, интересная работа и только потом заработок), у последних они более традиционалистские (создание семьи, заработок, интересная работа).

Подавляющее большинство школьников заявили о желании продолжить образование после школы, объясняя это тем, что без получения специальности не найти хорошей работы:

«Лучше сначала образование получить, без образования же не возьмут на хорошую работу» (учащийся 11-го класса, Таджикистан).

«Образование нужно получить, чтоб нормальная профессия была» (учащийся 11-го класса, Киргизия).

Родители-мигранты, как правило, поддерживают своих детей в стремлении продолжить образование и нередко сами мотивируют их к поступлению в колледжи и вузы:

«Отец говорит: учись» (учащийся 11-го класса, Киргизия).

После окончания школы больше половины респондентов (54 %) планируют продолжать учебу; пятая часть (21 %) собираются выйти на работу, 14 % – продолжать работу и учебу.

Значимым оказывается уровень образования отцов: те, чьи отцы имеют как минимум среднее специальное образование, реже выбирают работу вместо продолжения образования. Гражданство самих респондентов или же их родителей оказалось не связанным с планами на дальнейшее обучение. Подростки, приехавшие из сельской местности, планируют совмещать работу и учебу чаще, чем «горожане».

Ребята, свободно ориентирующиеся в культурах посылающей и принимающей стран, чаще планируют продолжить образование после школы. Важное значение имеет также культурный и экономический капитал семьи. Те, кто планирует продолжить образование после окончания школы, при выборе учебного заведения ориентируются на оценку специальности (перспективная либо интересная) и на выбор родителей.

Большинство школьников-«полторняков» прекрасно владеют русским языком, имеют российское гражданство, относительно давно проживают в России. У них, как правило, хорошие отношения с «местными» школьниками, бытовые конфликты со сверстниками к окончанию школы сходят на нет.

Эксперты в целом высоко оценивают уровень адаптации представителей «полторного поколения» к российским реалиям, отмечая, что дети, выросшие в России, имеют немало друзей среди «местных» сверстников и чувствуют себя вполне уверенно в российской среде.

«Они очень быстро адаптируются в детских коллективах. Эти дети ничем не отличаются от других детей» (школьный психолог).

«Они стали россиянами, они вошли в эту среду, они чувствуют себя россиянами» (активист диаспоры, Таджикистан).

Мнение экспертов подтверждают и «местные» сверстники детей-мигрантов:

«Они вообще не отличаются, можно сказать. Единственное, у них немного цвет кожи, волос другой, а так нет, характер у них похожий на нас. Ну, также бывают, конечно, и плюсы и минусы, как у каждого человека» (учащаяся 9-го класса, Самара).

«Они не сильно отличаются. Разговаривают по-русски очень хорошо. Иногда появляется их родной язык, потом снова на русский переходят. Акцента уже нет. Нет, наверное, никаких отличий особых» (учащаяся 8-го класса, Самара).

Представители «полторного поколения» хорошо ориентируются в городской среде. Их восприятие городской среды и практики ее повседневного освоения практически не отличаются от практик, характерных для их сверстников.

Основная часть представителей «полуполторного поколения» (48,4 %) заявляют о том, что хотели бы остаться в России:

«Ну, это я не знаю почему, я уже в России больше хочу остаться» (учащийся 11-го класса, Таджикистан).

«Я в России останусь» (учащийся 11-го класса, Киргизия).

«Мне кажется, в России лучше» (учащаяся 6-го класса, Таджикистан).

Часть детей из мигрантских семей намереваются вернуться в страну исхода. Причем девушки чаще, чем юноши планируют возвращение.

Большинство детей, выросших в России, по оценкам взрослых, останутся здесь:

«Большинство из них остается в России. Конечно, родители пытаются им что-то внушить, но реальность не обманешь. И ребенок, который родился здесь, он поедет на 3–4 дня в Таджикистан, а потом скажет: Папа, я хочу домой. Так прямо и скажет: Домой, в Россию» (активист диаспоры, Таджикистан).

Картина, однако, не столь радужна и намного сложнее: их интеграция идет с известными трудностями. Большинство назвали «своей» культуру страны происхождения, подавляющая часть считает родным языком материнский язык.

22,2 % респондентов намерены вернуться на родину. Значительная часть школьников (16,6 %) выказывают намерение пожить в России и переехать в третью страну, каждый восьмой – не определился.

Большую роль в долгосрочных планах школьников играют родители. Родители 78 % намеренных остаться поддерживают их в данном устремлении, поддержка родителей зафиксирована у 51,5 % собравшихся возвращаться и 38,5 % собравшихся уехать в третьи страны.

Планы вернуться не зависят от уровня владения русским языком до приезда, частоты поездок на Родину. Значение имеют самочувствие (комфортность) во время поездок в страну происхождения, частота контактов с родственниками и, особенно, идентификация с культурой страны происхождения.

Тот факт, что более половины школьников-«полуполторников» пока однозначно не увязывают свое будущее с Россией, вызывает озабоченность. Следует признать, что не только выросшие, но и их более молодые представители «полуполторного поколения» сталкиваются с аналогичными трудностями интеграции. Для них также характерны двойственная (множественная) идентичность, восприятие себя как группы культурно адаптированных, владеющих языком страны проживания, перед которыми общество воздвигло барьеры.

Вероятно, часть проблем связана с недостатками организации школьного образования. Но винить во всем школу было бы неверно. Их «размытая» идентичность поддерживается не только родителями, родственниками, но и принимающим обществом, отказывающим детям в признании «своими». Огромная ответственность лежит на всех социальных институтах, формирующих общественные настроения и социальную среду.

1. *Мукомель В. И.* Особенности адаптации и интеграции представителей «полуторного поколения» мигрантов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса. – М., 2012. – С. 8148–8156.

2. *Рочева А. Л.* «Полуторное» поколение мигрантов: множественная маргинальность (обзор литературы) [Электронный ресурс] // ИС РАН : офиц. сайт. – URL: <http://www.isras.ru/>

3. Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 29 августа 2013 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/foreign/details/54892/>.

Features of Adaptation and Integration of Migrants' Children, Representatives of «One-and-a-half Generation»

V. I. Mukomel

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the peculiarities of adaptation and integration of the «one-and-a-half generation» migrants enrolled in schools of Astrakhan and Samara. The article highlights the problems of their initial adaptation on arrival in Russia, the difficulties and peculiarities of their adaptation to the Russian educational system, their relationships with local peers and the general public, community dialogue and communication, relationships with parents and the sending society, the ties with the homeland, their involvement in culture local host communities, identity, perception of the social environment of Russian cities. Special attention was paid to the assessment of their level of integration, life plans and expectations.

Key words: One-and-a-half generation, integration, adaptation, socialization, secondary identity, pupils, migrants' children, conflicts.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, заведующий сектором изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН, 117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, тел. 8(499)1285651, e-mail: mukomel@isras.ru

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Social Sciences, Head of the Department for the Studies of Migration and Integration Processes, The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 117218, Moscow, Krzhizhanowsky St., 24/35, building 5, phone 8(499)1285651 e-mail: mukomel@isras.ru